Симонов К 1985

«Был и продолжаю оставаться военным писателем...»

Сергей БАРУЗДИН

К 70-летию со дня рождения Константина Симонова

КОНСТАНТИН СИМОНОВ, несомненно, принадлежит к плеяде блистательных имен советской и мировой культуры. Гражданин, коммунист, солдат, общественный и государственный деятель, в литературе поэт, прозаик, драматург, публицист, а также журналист, кинематографист, теледокументалист — все это естественно, гармонично слилось в одном удивительном человеке, имя которому Симонов.

Рожденный великой революционной эпохой, он стал талантливым летописцем ее. И понятно, что предметом первостепенных забот Симонова было не его собственное место в литературе, а место литературы в нашей непростой и героической, быстротекущей и радостной, устремленной вперед жизни.

Он был по натуре честным воином и вдохновенным творцом, тружеником-созидателем. Его работоспособность и организованность поражали: в поезде и салоне самолета, в рабочем кабинете и солдатском окопе, в номере провинциальной гостиницы и в гостях у друга он никогда не сидел без дела, не мог и не умел отдыхать и не считал потерянными лишь те часы отдыха, которые рождали заветные строки.

Знаменательны уже сами по себе факты биографии Симонова: родился в предреволюционном Петрограде, рос в семье красного командира, окончил ФЗУ, работал токарем, учился в Литературном институте, боевое крещение принял на Халхин-Голе, в партию вступил в труднейшем сорок втором.

И начало литературной биографии Симонова знаменательно: поэма «Победитель» о Николае Островском, поэмы «Ледовое побоище» и «Суворов» о героических страницах отечественного прошлого, патриотические пьесы «История одной любви» и «Парень из нашего города».

Творчество Симонова всегда было интернационалистским по духу. Характерно в этом отношении уже давнее, довоенное стихотворение «Генерал», которое можно считать началом поэтической судьбы его автора:

В горах этой ночью
прохладно.
В разведке намаявшись
днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным
огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Мы все тогда бредили революционной Испанией, понимали, что именно там идет первая схватка с фашизмом. Это было предвестье той великой войны, о которой написаны и лучшие стихи Симонова, и лучшие его пьесы, и вся проза от «Дней и ночей» до «Дыма Отечества», «Живых и мертвых», «Так называемой личной жизни» и опубликованной уже после смерти автора трагедийно-героической повести «Софья Леонидовна».

Его пьесы «Русские люди», «Так и будет», «Четвертый» становились событиями театральной жизни, его книги стихов «Настоящие люди», «Лирический дневник», «С тобой и без тебя», «Война», «Друзья и враги» — событиями в поэзии, а уникальная по своему замыслу и превосходная по исполнению книга «Разные дни войны» явилась одной из самых значительных книг о Великой Отечественной, о долгих и трудных путях нашего народа и его армии к исторической Победе. Талант художника, опыт воина, прошедшего дорогами войны, сердце патриота — все в этой большой и очень человечной книге.

Любимым словом Константина Михайловича было слово «серьезно», и все, что он делал в жизни и литературе, было серьезно. Конечно, прежде всего серьезным было его художественное творчество. Но не менее серьезно он выступал на многочисленных конгрессах в защиту мира, не менее серьезно редактировал «Литературную газету» и «Новый мир», был одним из самых серьезных членов редакционной коллегии «Дружбы народов», серьезно возился с рукописями талантливых, но пока безвестных литераторов, будь то сторож Георгий Караваев или профессиональный художник Вячеслав Кондратьев, серьезно писал о маршале Жукове и рядовых фронтовиках, о своих зарубежных поездках и дебютах молодых, бился за включение в планы издательств рукописей даровитых авторов и помогал детям-сиротам. И как не вспомнить сегодня, что идея награждения ветеранов орденом Отечественной войны, претворенная в жизнь в нынешнем году, была высказана когда-то Симоновым.

Талант и государственное мышление были неразрывны в нем. Сейчас, когда партия ставит ответственность и неравнодушие во главу угла нашего экономического и социального развития, когда благосостояние общества находится в прямой зависимости от человеческой отдачи каждого, дела и даже беспокойный характер Константина Михайловича видятся нам в особом свете.

Симонов обладал огромными организаторскими способностями. Не раз ему шутя говорили, что если бы он был назначен министром той или иной отстающей отрасли, то, несомненно, вывел бы ее из прорыва. И действительно, все, за что брался Симонов, давало вскоре свои плоды. Он причастен к изданию рукописей молодых авторов и мемуаров ушедших из жизни военачальников, организации музея Блока в Ленинграде, возрождению знаменитой выставки «20 лет работы Маяковского», укреплению литературных связей с зарубежными писателями и налаживанию повседневной жизни Центрального Дома литераторов. А как не отметить работу Симонова в конце пятидесятых годов разъездным корреспондентом «Правды» по республикам Средней Азии, его дружеские и творческие отношения с узбекскими писателями или его вклад в дело перевода грузинской, азербайджанской, литовской, а также польской, чешской, болгарской поэзии.

Константин Михайлович был сверхобязательным человеком. Помню, когда ему была присуждена «Рабочая премия Нурека» за «Разные дни войны», он находился в больнице. И оттуда в Нурек пошло не только благодарственное письмо. Симонов написал в больнице отличный очерк о Нуреке, его людях, перспективах развития Нурека и его уроках для других молодых городов.

Он любил ныне почти забытый эпистолярный жанр и вкладывал в него душу. Как интересно перечитывать сейчас его письма — деловые и личные, обязательно с конкретными замечаниями и соображениями, фактами и цифрами, тут дело всегда соседствует с собственным отношением к нему, с практическим подходом. На основе встреч, дружбы и переписки складывались воспоминания Симонова о Горбатове, Федине, Луконине — яркие, душевные, озаренные искренним восхищением перед настоящим талантом.

До последних дней Симонов продолжал трудиться, его рабочий стол в больничной палате напоминал домашний. В работе были воспоминания о Фадееве, переписка с матерью Александрой Леонидовной и отчимом Александром Григорьевичем Иванишевым за тридцать лет, которую он готовил к печати, наметки задуманной книги об И. В. Сталине («Хочу написать о встречах со Сталиным по типу книги о Жукове», — говорил Константин Михайлович), переводы и новые стихи. Стихи эти непохожи на прежние симоновские: короткие, грустные и вдруг ироничные.

Вот одно из стихотворений:

Боязнью перенапряженья
Писатель-почвенник
страдал
И все склоненья
и спряженья
В аренду корректуре сдал.

И еще:

Интеллигентом слыл
Прокофий,
Но, кем его ни назначай,
Он вечно забывал
про кофий —
Просил на чай!

Или:

Чем разный
креп-дешин
И прочий
креп-жоржет,
Не лучше ль
креп-кий чай
Прочней ввести
в сюжет.

Он знал о своей болезни, но был полон творческих замыслов на десять и на двадцать лет вперед. И в планах тема Отечественной войны была для него главной. Сам Константин Михайлович писал так: «Хорошо это или плохо, но, очевидно, я до сих пор был и продолжаю оставаться военным писателем, и мой долг заранее предупредить читателя, что... он будет снова и снова встречаться с войной». И далее он подчеркивал, что это относится не только к прозе его, а и к большинству стихов и пьес.

Все дальше отодвигается от нас тяжкое и героическое время Великой Отечественной. Растет количество книг о ней. Они принадлежат не только писателям-ветеранам, но уже и тем вчерашним молодым литераторам, которых война задела лишь косвенно или даже вовсе не задела. И вместе с лучшим, что написано о войне, безусловно, останутся с нами «Живые и мертвые», «Разные дни войны», военная лирика и драматургия Симонова.

Помню давний эпизод. В зале «Мосфильма» только что закончился просмотр киноленты «Живые и мертвые». Молчал сам К. М. Симонов. Молчал режиссер А. Б. Столпер. Молчал исполнитель роли Серпилина А. Д. Папанов.

Вдруг Папанов сказал: «Работа закончена, и на душе какое-то ощущение пустоты. Я не знаю, как играл. Я потрясен тем, кого играл. Ведь Серпилин — грандиозная фигура!»

И творения Симонова, и бранное поле под Могилевом, названное в народе Симоновским, будут всегда привлекать к себе людей честных и мужественных, людей, созидающих мирную жизнь и ненавидящих войну.

● *Берлин. Май 1945 года. Константин СИМОНОВ среди солдат и офицеров у здания рейхсканцелярии.*

● *За работой. 1970 г.*

● *С дочерью Александрой. 1974 г.*

● *С Александром Твардовским. Абхазия. Гульрипши. 1969 г.*

● *Памятный камень на Буйническом поле под Могилевом, где развеян прах писателя.*

Фото Евгения ХАЛДЕЯ

БЕЗЗАВЕТНЫЙ ТРУЖЕНИК

Очень личные воспоминания

Владимир КАРПОВ

НЕМАЛО в нашей литературе семидесятилетних писателей, полных творческих сил. Своими произведениями они помогают людям решать социальные, нравственные, житейские проблемы.

Когда думаешь об этом, испытываешь горькое сожаление, что нет среди них Константина Симонова. Конечно, остались с нами его книги, его герои, его стихи. Но все же как был бы необходим он сам в сегодняшнем сложном и взрывоопасном мире, в сегодняшней обновляющейся, устремленной к важнейшим экономическим и нравственным рубежам жизни нашей страны. Это его темы, его масштабы!

Но, увы, вместо оперативного очерка о его текущей работе приходится писать воспоминания о том, каким он был, этот настоящий человек и большой писатель.

И тут трудно сказать о Константине Симонове что-то новое. Ведь он жил у всех на виду: в годы войны исколесил фронтовые дороги от Черного до Баренцева моря, после войны не было ни одной народной беды или радости, на которую он бы не откликнулся, не было ни одного значительного политического, общественного, литературного события, в котором не принял бы самого деятельного участия. Критики и литературоведы не обошли вниманием его произведения и творчество в целом. Друзья написали добрые, теплые воспоминания.

К этим рассказам о замечательной жизни и делах Константина Симонова я могу добавить лишь несколько штрихов. Но штрихи эти увидены глазами самого близкого ему человека. Нет, нет, не себя имею в виду, а мать Симонова — Александру Леонидовну.

Что же касается меня, то сразу оговорюсь: я не был в кругу близких друзей Константина Михайловича. Он ко мне относился доброжелательно, дарил книги, помогал творческими советами. Мы изредка переписывались, встречались и на людях, и в домашней обстановке. Но все же претендовать на звание друга я не решаюсь, не имею права — другом должен тебя почувствовать, признать и назвать тот, кто составляет вторую половину этого драгоценного человеческого союза. Мне (не скрываю этого) было бы приятно, лестно и почетно называться другом Константина Симонова, но, еще раз повторю, к великому сожалению, исходя из тех критериев, о которых сказано выше, не могу претендовать на столь высокое звание.

Ну, а теперь расскажу о том, что обещал.

Познакомились мы с Симоновым вскоре после войны. Пожалуй, это не совсем точно — «познакомились». Он был знаменитым писателем, а я студентом Литературного института, куда он довольно часто заходил. Однажды после беседы со студентами Константин Михайлович отвел меня в сторону и расспросил, кто я, где воевал. Видимо, запомнил, потому что с этого дня и в институте, и в ЦДЛ он всегда подходил ко мне, интересовался, как житье-бытье, как дела творческие.

С матерью Симонова, Александрой Леонидовной, я встретился в конце шестидесятых годов в Малеевке. Это было трудное для меня время: недавно завершил службу в армии, переехал из Кушки в Ташкент, обремененный немалой семьей (на пятерых — один работник, и тот лишь начинающий пловец в неспокойном и коварном издательском море). После первого разговора Александра Леонидовна посочувствовала моей матери: «Вы, как мой Кирилл (она чаще называла сына Кириллом), единственный сын и все время вдали от мамы. Мы с Кириллом живем в одном городе, а я его мало вижу, он постоянно в разъездах».

Вот с того дня мы и подружились (тут я смело пишу это слово, так как у меня объемистая пачка писем с обращением «мой дорогой друг»).

О многом мы с ней переговорили и в беседах, и в письмах за годы нашего знакомства. Александра Леонидовна прекрасно знала литературу, следила за новинками, была в курсе писательской жизни столицы (и сама писала стихи).

Однажды говорил я о своих детях, о том, как нелегко определиться в жизни, выбрать интересную профессию. Александра Леонидовна согласилась:

— Вы правы, очень важно любить свою профессию, чтобы не просто зарабатывать на жизнь, а работать с увлечением. И пусть они сами выбирают. Посоветовать можно, однако настаивать, а тем более принуждать нельзя. Мой Кирилл тоже не сразу нашел свое призвание. В 1930 году мы жили в Саратове. Кирилл окончил седьмой класс и вдруг заявляет, что в восьмой не пойдет, а решил пойти в фабзавуч и стать рабочим. Я очень переживала, а муж сказал: «Пусть поступает, как решил, ему жить». На следующий год мы переехали в Москву. Кирилл закончил этот свой фабзавуч, пошел работать на авиационный завод, через несколько лет был уже токарем седьмого разряда. И вот вроде бы определился, получил высокую квалификацию, на жизнь зарабатывал, но не давала ему покоя та самая «искра божья», которая делает человека писателем. Стал он писать стихи... Многие считают Константина Симонова баловнем судьбы, ведь как легко и просто у него «записалось», «запечаталось». А это далеко не так. Писал он после работы, поначалу не придавал значения своим стихам и лишь по совету друзей отнес первую поэму «Беломорканал» в литконсультацию. Поэму отвергли. Василий Казин, признавая способности молодого автора, сказал, что можно будет взять из нее лишь отдельные фрагменты для сборника «Смотр сил», если над ними еще поработать.

И вот что пишет Симонов: «Всю весну и начало лета каждый день, приходя с работы, я допоздна сидел и корпел над фрагментами. И когда я вконец изнемог под грузом поправок, Казин, казавшийся мне очень строгим человеком, вдруг сказал: «Ладно, теперь можно — в набор!»

Радость, победа, можно назвать себя поэтом? Да, у некоторых недальновидных новичков такое случается — бросают работу, зачисляют себя в профессиональные литераторы. Симонов поступил иначе. «Летом, получив отпуск, — продолжает он, — я решил поехать на Беломорканал, чтобы увидеть своими глазами то, о чем я писал стихи, пользуясь чужими газетными статьями». И поехал. Прожил там месяц в бараке. А возвратясь в Москву, написал новую поэму «Горизонт»: «...стихи были по-прежнему неудобоваримыми, но за ними стояло уже реальное содержание — то, что я видел и знал».

Вот так нелегко начиналось, на это ушло более трех лет. И, поступив в Вечерний рабочий литературный университет (вскоре ставший Литинститутом имени А. М. Горького), Симонов продолжал работать токарем. «Жил я далеко, за Семеновской заставой, работал на Ленинградском шоссе, вечерами бежал на лекции, а по ночам продолжал писать и переписывать свою поэму о Беломорканале... Времени на сон практически не оставалось, а тут еще выяснилось, что я гораздо меньше начитан, чем мне это казалось раньше. Пришлось, в срочном порядке, громадными порциями глотать литературу».

Нет, он не был баловнем судьбы. Вся его жизнь — «громадные порции» работы. Он и ушел от нас рано потому, что не щадил себя, работал постоянно, без оглядки на здоровье.

Мать видела это, понимала, что так относиться к себе нельзя, но понимала и то, что ее Кирилла невозможно заставить жить иначе. Она гордилась его успехами, но нередко в ее письмах я улавливал и грусть.

В автобиографии, не считая возможным хотя бы коротко описать свою работу профессионального литератора, Симонов приводит лишь «географию» этой работы. На целых страницах идет перечисление фронтов, городов, республик, стран.

Пятнадцати годам, очень важным в его творческой биографии, отведено несколько строк: «С 1955 по 1970 год я работал над книгами «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето», которые теперь, после завершения работы, составили единый роман с общим заглавием — «Живые и мертвые».

Вот что писала мне Александра Леонидовна 24 ноября 1970 года:

«Сын по горло занят — идет последняя правка романа. О волнении, с которым я читала его третью книгу, я, думается, Вам писала? Я словно жила на фронте в те дни... Кирилл ездил в Карелию на 10 дней, рассказывал коротко, но с восторгом о ее красотах. Там была выездная редакция «Правды». Наверное, потом напишет».

Из письма от 22 апреля 1971 года:

«...я вообще не постигаю, как он справляется со всем тем, что ложится на его плечи... Читал стихи на встречах во время съезда и когда в Колонном зале был вечер «Писатели — съезду»... В своих выступлениях он говорил о мечте создать произведение, охватывающее период становления его и его современников, и затем рассказать о их делах и свершениях вплоть до сегодняшнего дня... Как видите, размахивается опять на большое полотно. Но пока сам еще не знает, в какую форму все это выльется. И еще мечтает о книге с читательскими письмами, вернее — читательских писем... А сейчас командировка в Берлин, потом писательский съезд в Грузии и т. д. и т. п.».

18 ноября 1971 года:

«...увлекся новой повестью о Лопатине, помните «Из записок корреспондента»?.. А в кино он готовит фильм о Вьетнаме. Вам по секрету скажу — называться он будет «Чужого горя не бывает...». Фильм ставит сам впервые. А сегодня уехал под Смоленск... на читательскую конференцию».

Из письма от 7 декабря 1971 года:

«Сын страшно занят — идут конференции по его трилогии, только что вернулся из Новосибирска. Очень интересно, но утомительно — Академгородок в 35 км от города в бору. Интересный контингент читателей. Была поездка в Ярцево Смоленской области. Иногда в Москве бывает по две конференции в день... В Театре имени Ермоловой готовят пьесу «Завтра в семь» по книге «Последнее лето».

В том же месяце Александра Леонидовна пишет:

«...вчера мне посчастливилось видеть его на вечере в ЦДЛ, где проходил просмотр лент Государственного архивного фонда. Он брал интервью у маршала Жукова о битве за Москву... Это как раз его первая ласточка в области документального кино о больших людях. Вот таких познавательных лент и создания для них специальной студии документальных фильмов он и добивался в своей статье, о которой Вы мне писали. Потом видела его выступающим на конгрессе борцов за мир... Поездка в Югославию... знакомые места битв, знакомые командиры. Во второй декаде октября он поехал в Голодную Степь, где он был, когда она была именно такой, его пригласили полюбоваться переменами...»

Вот такой накал жизни. Не успел завершить одну работу, как начинал другую. И еще постоянно принимал участие в судьбах других людей (особенно в судьбах литературных). На письма отвечал обязательно (чтобы представить диапазон его переписки, ее весомость, советую посмотреть подборку в «Новом мире», № 11 за этот год).

В 1971 году я переехал с семьей в Москву и часто навещал Александру Леонидовну. У нас были традиционные ежемесячные «кофепития» с непременными миндальными пирожными. Кофе готовила сама Александра Леонидовна.

Константин Михайлович иногда заставал нас за этим ритуалом. Он иронически относился к нашему лакомству, пошучивал и, выпив наспех чашку кофе, убегал по своим делам. Во время одной из таких встреч я рассказал ему подробно о своем намерении писать книгу о генерале Петрове, о своем знакомстве с ним еще с довоенной поры. Константин Михайлович одобрил мой замысел.

— Я и сам, — сказал он, — подумывал о такой книге и материала о Петрове собрал много. Но тебе он ближе, писать надо тебе. Возьми у меня материалы и используй в своей работе.

Он показал мне и то, что написал о Петрове в «Разных днях войны» еще до публикации книги.

Почему Александра Леонидовна так тепло ко мне относилась, что нас сближало? Я думаю, дело в том, что у нас была одинаковая военная жизнь. Симонов вспоминал: «Наша семья жила в командирских общежитиях. Военный быт окружал меня, соседями были тоже военные... Мать участвовала вместе с другими командирскими женами в разных комиссиях содействия; приходившие к родителям гости чаще всего вели разговоры о службе, об армии».

Вот этот военный быт в нашем прошлом объединял нас в настоящем, как, разумеется, и текущая литературная жизнь.

...Лежит на моем столе стопка писем Александры Леонидовны, много в них заботливых, теплых слов о сыне. И думается мне, что эту теплоту и заботливость перенес Константин Симонов на своих боевых друзей, на товарищей по перу, на весь наш народ и Родину.